

И. И. СОКОЛОВ

**<Протестантская пропаганда
и реакция на нее в России XVI и XVII веков>**

<Фрагменты>

**ТЕЗИСЫ К СОЧИНЕНИЮ: ОТНОШЕНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА
К РОССИИ В XVI И XVII ВЕКАХ**

1. С каждым царствованием, начиная с Василия III, число поселившихся в России протестантов увеличивалось, гражданское положение их и все условия, необходимые для организации церковных общин их — в центре и на окраинах России — улучшались, если не было препятствий к тому со стороны самих протестантов. Веротерпимостью они пользовалась здесь более широко, чем в западных католических странах, хотя она, по настоянию народа, оказывалась до Петра в видах политических, культурных, а не по чисто нравственным мотивам.

2. Со стороны тайных агентов и с успехом по отношению к отдельным лицам и небольшим кружкам весьма возможна была протестантская пропаганда на Руси.

3. Пропаганда совершалась чрез проповедь, школы, книги, искусства и обычаи.

4. Началась она еще в 50-х гг. XVI ст., имея предвестником и пособником бывший на Руси рационализм, которому она старалась навязать все почти свои верования, начиная с иконоборческих идей. Модное на первый раз протестантствование, например, Башкина скоро встретило себе сильную реакцию.

5. Замолкнув на 30, 40 лет, пропаганда снова принялась за распространение иконоборческих идей; в течение лет 30 старалась, по-видимому, провести в убеждения русских людей не всю разом систему своих верований, как было прежде, но сперва все *главные* свои верования и учреждения, потом все *остальные в настоящем их виде*; но испытав в том и другом неудачу, решилась придать

своему вероучению оттенков одной внешней обрядовой разницы от православия, воспользовавшись для того прениями православных с датским королевичем Вальдемаром, и самый брак королевича с Ириной Михайловной силилась устроить, по всей вероятности, в своих затаенных интересах. Но эти замыслы и подделка также не имели успеха. Все это можно видеть преимущественно из противолютеранских сочинений того времени и из сопоставления их с иностранными протестантскими известиями.

6. Чрез 30 лет нового перерыва пропаганда действует чрез польский энциклопедизм в России и кружок Белободского; за тем, при введении новой цивилизации на Руси, чрез партию Тверитинова распространяет преимущественно религиозно-культурные идеи, в первом случае опять принимая личину православия, во втором прикрываясь содействием общественным реформам Петра. Но чем относительно успешнее становится она под конец века, тем более основательных и правдивых протестов раздается против нее. Литературная полемика против партии Тверитинова есть последнее слово и наилучшее завершение всей предшествовавшей полемики.

7. Сравнительно больше и долговечнее приобретения протестантизма в русском расколе. Отрицательным путем он содействовал образованию и развитию раскола старообрядства, одним внушая пренебрежение к церковной внешности, священным обычаям и нравам, а в других, помимо своей воли, усиливая протест против такого направления и перенесения на Русь немецкой культуры. Секта хлыстов большую часть своего вероучения могла заимствовать всего ближе от протестантско-квакерского по духу своему учения Квирина Кульмана; секта духоборцев, вероятнее всего, есть более чистая отрасль квакерства; секта молокан, по всей вероятности, составила из соединения разрозненно живших протестантствующих последователей Тверитинова, с присовокуплением к ним духоборцев и отчасти субботников. Основания таким предположениям: близкое сходство вероучения хлыстовского с кульмановским, духоборческого с квакерским, молоканского с протестантским-тверитиновским и внешняя или внутренняя, хотя неясная, история сект. Все протестантствующие секты составляют едва заметную горсть в общей массе православного народонаселения. Пропаганда протестантская не принесла существенного вреда православию.

8. Вызванная ею полуторовековая борьба способствовала возрождению просвещения на Руси — посредством имевших обширное образовательное влияние полемических сочинений и устных споров.

Наука протестантская сперва проникала в Россию преимущественно косвенными путями зачатков культуры. С пол. XVII в. можно примечать настоятельные побуждения и отчасти непосредственное содействие со стороны протестантов развитию духовного нашего просвещения параллельно с гражданским. С Петра Великого начинается сближение протестантской науки с православною.

9. Печальное нравственное состояние народа было следствием других исторических причин, а не культурного и морального влияния протестантов. При тогдашнем строе общественной нравственности, не столько слабых соблазнительных сторон, — и то разве по отношению к частным единичным личностям, — сколько добрых поучительных примеров можно было находить в протестантстве, особенно в нравственно-просвещенном направлении его.

10. Свои и заграничные протестанты, чрез многочисленные и авторитетные суждения о недостатках церковно-практической жизни в России, могли содействовать церковно-обрядовым исправлениям и улучшению нравственного и общественного положения духовенства, совершившимся во 2-й пол. XVII в.

Действительными услугами протестантов и уготавливаемым ими ковами России воспользовалась для своего духовного преуспеяния и улучшения внешней материальной цивилизации.

11. В пределы Юго-Западной России, по подготовке обильной почвы для протестантизма гуситизмом, лютеранство проникло весьма рано (1521 г.), за ним реформатство. Распространялись они, особенно последнее, большею частью средствами не совсем чистыми, в целях политических. Православные совращались в реформатство большею частью по причинам случайным, обусловливаемым обстоятельствами времени.

12. Вслед за реформатством в Польше и Литве появилось социнианство, или арианство, расплодилось во многочисленные секты, которые сначала сводились к двум главным видам: староарианству и новоарианству, а потом соединились в одну секту. После 53-летнего процветания (1586–1638 гг.), социнианство постепенно исчезает (1638–62 гг.). Пока оно сильно было в Литве, в некоторые секты его совращались и православные западноруссы. Последних особенно соблазняло учение, занесенное в Литву московскими выходцами: Феодосием Косым, Фомою, Игнатием и состоявшее из примеси социнианства к реформатству. Разбор смешанного этого учения преимущественно на основании «Многословного Послания» Зиновия Отенского.

13. Пока усиливалось социнианство, а главное со времени усиления иезуитов и гонений от правительства, протестантизм — в чистых его формах — постепенно ослабевал. Постепенный и безнадежный упадок его всего очевиднее открывается из внешней судьбы церквей лютеранских и в особенности реформатских. Прискорбные внешние обстоятельства тяжело отозвались на изменчивом устройстве церковного реформатского управления, на состоянии просвещения и нравственности, некогда стоявших на значительной высоте, и — богослужения.

14. Гонения протестантов и православных от одного врага невольно располагали тех и других к дружественному религиозно-политическому союзу; для упрочения последнего, предпринимались попытки, хотя бесполезные, к вероисповедному соединению союзников: на Торуньском соборе 1595 г., Брестском 1596 г., Виленском 1599 г., Торуньском 1645 г. и Виленском 1648 г. Постоянными представителями религиозно-политического союза протестантов с православными оставались в Вильне реформатская община и православное братство. По временам, в 1-й пол. XVII в., союз этот переходил в вооруженную коалицию.

15. В половине и конце XVII и начале XVIII стол., во время войн России с Польшею (1655–68 гг.) и Швециею 1700–21 гг.), добрые отношения союзников не разрывались, особенно во время первой войны, которая сама была между прочим следствием религиозно-политического союза протестантов с православными.

16. Наилучшим выражением и закреплением союза, в течение всей полуторовековой истории его, было патронатство. Закончился он освобождением диссидентов от польского владычества в 1772 г.

17. Под прикрытием союза, чрез сочинения, школы, протестантская пропаганда пробовала проводить свои идеи, но с падением образования в самом протестантизме и по распространении в Западной России лучших антипротестантских сочинений, — с 20-х гг. XVII ст. — не видно более совращений православных в протестантство; возвращения в православие совращенных становятся многочисленнее.

18. Последнее крайнее средство протестантской пропаганды — подложное издание Кальвинского Исповедания веры от имени патриарха Кирилла Лукариса — не имело успеха и послужило поводом к изданию имевшего важное значение в данной борьбе и истории православия Исповедания Петра Могилы.

19. В пору процветания протестантизма и его церковно-общественных учреждений, нравов, дружественный союз православных с его последователями и периодически вспыхивавшая борьба с его пропагандою содействовали улучшениям во внутренней церковно-общественной жизни православных, и прежде всего — преобразованию западнорусских братств, — что доказывается историею преобразования их и сходством деятельности, прав и обязанностей братств с образом действий и полномочиями протестантских общин.

20. Протестанты способствовали возрождению и развитию западно-русского просвещения посредством обучения православных в лучших своих школах, устройства по образцу последних западно-русских школ и чрез обширную свою литературу; но это образовательное влияние было непродолжительное.

21. Влияние протестантизма на общественную нравственность западноруссов могло быть более добрым и благодетельным, чем вредным, разрушительным: если, с одной стороны, он некоторое время разрушительно действовал на аскетизм и дух монашества, то с другой — мог содействовать развитию многих общественных добродетелей.

Вообще протестантизм не только не нанес существенного вреда Западно-Русской Православной церкви, но содействовал обеспечению ее внешнего и возвышению внутреннего состояния.

ОТНОШЕНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА К РОССИИ В XVI И XVII ВВ.

При той замкнутости от Западной Европы, в какой находилась Россия в XVI и XVII вв., и по исключительному характеру Православной церкви, заграничный протестантский мир очень мало мог иметь непосредственных сношений с Россиею: он предоставил за себя постепенно входить в эти сношения протестантским общинам, которые образовались внутри или на окраинах как Северо-Восточной, так и Юго-Западной России. У этих местных и частью заграничных протестантов с той и другою Россиею были свои особые отношения, завязавшиеся очень рано. Когда первые последователи и преемники Лютера вели деятельные сношения с Константинопольскою церковью, надеясь склонить ее на свою сторону, протестантизм, с приманкою новизны и моды проповедуемых им идей, проник уже отчасти в недра Православной

Велико-Российской церкви (в 50-х гг. XVI в.) и даже сделал попытку втянуть ее в братский союз с собою (в 1570 г.). Испытав неудачу, протестантизм не теряет, однако, своих видов на Россию (просветительных, пропагандистических), какие он имел тогда чуть не на всю Европу. В пределы Юго-Западной России, по географическим и политическим ее условиям, он проник ранее (в 20-х гг. XVI столетия) и сильнее, чем в Северо-Восточную: туда он пришел не с одним запасом новых модных идей; в единстве страданий православных и протестантов от одного общего врага — католического фанатического правительства он нашел сильнейшее побуждение к вероисповедному сближению с православием, но, убедившись, что такое сближение не в природе обоих вероисповеданий, заключает политический союз с православными, знаменем которого прикрываются все его действия и сношения с ними. По различию местной среды и политических условий, при неравенстве внутренних и внешних его сил, самый образ действий его в той и другой России различен и влияние его на все стороны духовной жизни православных — далеко неодинаково.

<...> Естественно, возникают вопросы: мог ли протестантизм привиться к русским по особым условиям их национального характера, истории и пр., и если мог, то какие средства или пути избирал он для распространения своего учения; нельзя ли подметить постепенности и последовательности в деле его пропаганды; как отнеслось к ней русское общество и церковь; не возникла ли по этому случаю борьба и какая именно?... <...>

Призванные в Россию для насаждения внешней гражданской культуры, для распространения по преимуществу материальных благ цивилизации, принятые под покровительство русских законов под условием, чтоб «они знали лишь то дело, для которого они призваны и с своею верою к русским людям не приставали», — могли ли протестанты серьезно пропагандировать в России свою веру? Всмотримся ближе в них.

По изображениям гражданских историков, это были большею частью служилые иноземцы, западно-европейские казаки, которые за неимением степей в Западной Европе, рвались в новый свет, шли к нам на далекий север, готовые «служить в семи ордах, семи королям». Волей-неволей оторванные от родины, меняющие службу, знамена, смотря потому, где выгоднее, составляя пеструю дружину пришельцев из разных стран и народов, они были совершеннейшие космополиты, отличавшиеся полнейшим равнодушием к судьбам

той страны, в которой они временно поселились; это были приятные, веселые собеседники, любившие хорошо, весело пожить, беззаботно жившие день за день. Но... политические космополиты не были религиозными космополитами: кирки их по воскресеньям переполнены были молящимися. А если так, то и они, особенно те из них, которые много видели, испытали и умели так хорошо поговорить, не прочь были, при удобном случае, высказаться в пользу своей веры и во вред православию. <...>

Везде можно слышать и читать, что протестантизм, по существу и направлению своему, не приложим к русскому народу, что в русской церковно-общественной жизни он не мог найти почвы для себя и что в политической жизни русских не было сродных ему элементов. <...> Но эта общая известная истина о незыблемости Всероссийского Православия, о несокрушимости церковно-общественного и политического нашего строя, при столкновении с иноземными и иноверными началами, должна быть принята не без ограничений и исключений. <...> Наша церковь по традиционной и справедливой неприязни православного Востока к католическому Западу, усилившейся особенно со времен крестовых походов, всегда недружелюбно относилась к Риму и латинству (уже в XI веке является бранное на папу послание, известное под именем письма Феодосия Печерского): горячие протесты и возражения протестантизма против папства всегда были по сердцу православным; но, сочувствуя справедливым и законным возражениям, естественно в порывах страсти склониться на сторону несправедливых нападков на те истины, которые общи православию с католичеством: тем более что в своих нападках и взаимодействии против общего врага протестантизм представлялся другом и союзником православия. Исконные неприязненные отношения существовали на Руси не к одной Римской церкви, но и к своей православной иерархии: под разными именами стригольников, жидовствующих, были целые партии недовольных злоупотреблениями и пороками православного духовенства и из-за личных недостатков его отделившихся от общения с церковью. Прикинувшись другом и союзником православия, протестантизм и открыл свои нападения на эти нравственные практические недостатки Русской церкви, имея в виду раздуть реакционное движение, увеличить массы недовольных церковью и привлечь их на свою сторону. Этот план, как увидим, не совсем ему удался.

<...> Доступен ли протестантизм русским людям по духу и характеру своего вероучения — догматического, нравственного

и обрядового? Лютер обратил христианство в отвлеченную, философскую систему. Христианскую догматику, возвышенные Богооткровенные истины духа и жизни он превратил в мертвую спекулятивную теорию. Христианское учение о нравственности, беспредельной любви, самоотвержении, нестяжательности он разрешил в туманную философскую мораль с религиозною окраскою «оправдания верою», разобщив ее (мораль) с жизнью. Слишком рациональная религия Лютера очень бедна обрядностью, скучна священнодействиями; между тем русский народ понимал и представлял христианские истины веры и нравственности не иначе как в живых конкретных образах. Он понимал христианство не как только разумную систему, решающую вопросы разума, но преимущественно, если не исключительно, как начало и закон для своей жизни и деятельности, как животворную и спасительную силу. Для него все почти христианство заключалось в обширной этой византийской обрядности, сложной символической и величественных священнодействиях. Неудивительно, что все протестантское учение от догмы до обрядности казалось ему непонятным, странным, чуждым даже религиозного характера: русские называют веру нашу *raganische*, жаловался Петрей¹. Так смотрел на нее народ, масса, огромное большинство.

Отдельные ж, одиночные личности могли быть и были иных воззрений, это — те, образ мыслей которых, по неотразимой силе вещей, представляет собою обыкновенно реакцию общему мировоззрению. Появление таких личностей на Руси не должно удивлять нас. Германская нация, когда в ней быстро распространялось учение Лютера, не была философскою нациею: по своему образованию она до половины XVIII в. нисколько не была выше Франции, Италии, Англии и даже Испании. Войти в дух и силу нового вероучения, во всю глубину разумения его могли на Западе люди науки, философского образования. В народе же оно нашло себе сочувствие по иным, большею частью сторонним мотивам, со стороны народа достаточно было свойственной всем нациям природной склонности к абстракции, обычной способности к отвлеченной мысли и идеализации, общего чувства разумения, которое, не проникая в частности философского склада и характера новой религии, в частные рассудочные представления о ней, но само составляясь из какого-то объединения частных представлений, становилось сильнее подробных рассудочных комбинаций и вырабатывало твердые убеждения в истинности новой религии.

Чтоб русскому человеку сделаться протестантом, или протестантствующим, достаточно было иметь эту обычную способность, общее чувство, чутье к философскому разумению, быть не философом, а философствующим мечтателем, уходящим в отвлеченность рационалистом, нужно было, склонившись к мистицизму, отказаться от внешних дел праведности и заключить христианство во внутреннее единение со Христом. Чрез это сокровенное общение со Христом, чрез внутреннее озарение от Духа Божия отвлеченные догматы новой религии могли быть понятны для его ума без живых конкретных образов, могли говорить его сердцу, питать нравственное и религиозное его чувство без посредства обрядности, символики. Надеясь жить в Боге и с Богом, он лицом к лицу надеялся быть со внутреннею животворною силою, войти в ее дух и жизнь, а сложная обрядность казалась ему лишь преградой, заслонявшею его непосредственное общение с Божеством. Таких наклонных к протестантствующему мистицизму личностей можно заметить в истории немного, но все же они были: порукою этому — та наклонность русских к мистицизму, которая чрез все предшествующие века пробавлялась астрологическими либо болгарскими баснями и которая в новом философско-мистическом учении должна была найти лучшее удовлетворение. Наши протестантствующие своим образом мыслей представляли собою такую же реакцию общему всем православным складу воззрений, какую западные протестанты представляли собою по отношению к общекатолическому мировоззрению. Наконец, не могли не быть на Руси личности, прельщавшиеся нравственною стороною протестантизма. Человек везде и всегда склонен ко греху. Кому не хотелось бы жить для удовольствия, не отказывая себе ни в каких наслаждениях мира, чувственности и не подвергаясь в то же время ответственности пред Богом и совестью? С человеком бывают тяжкие минуты усыпления нравственного сознания и доверчивости деморализаторам, возводящим страсти и порок в добродетель и закон. Целые народы, даже народ, ходивший во свете Откровения, доходили до такого помрачения нравственного сознания.

Протестантизм не санкционировал страсти и пороки, он не отвергал совершенно значение добрых дел, а предоставлял делать или не делать их доброй воле каждого, успокаивая совесть тем, что в случае недостатка добрых дел их восполнит вера и благодать, что, живя в мире, по духу мира и в угоду чувственности, можно стоять превыше мирского слития, всецело принадлежать Богу. Этого и до-

вольно для людей без твердых нравственных убеждений, слабых и падких ко греху. Малейшее послабление закона они всегда готовы истолковать в свою личную пользу, в поблажку чувственности и страстей. «Евангельская православная мораль слишком строга, кто может снести это слово жестоко? Зачем связывать себя внешними аскетическими подвигами? Можно и без того не расторгать внутренней связи с Божеством и не быть потеряну для спасения», — могли рассуждать они и, тяготясь исполнением обрядов; постов и других стеснительных для чувственности постановлений церкви, не могли не сочувствовать учению, освобождавшему их от всех этих тягостей. Наши полемисты часто указывают на эту соблазнительную сторону или приманку протестантства. Общих этих соображений достаточно, чтобы видеть, как наивно уверение некоторых оптимистических защитников православия, будто «протестантство не могло найти приюта ни в одной русской душе».

Полного, чистого протестантизма, какой видим на Западе, действительно не могло быть на Руси, потому что при сходстве некоторых условий в церковно-общественной и политической нашей жизни с такими же условиями, способствовавшими появлению Реформации на Западе, в той же самой сфере гораздо больше было условий неблагоприятных для нее, но главное — склад религиозных воззрений русского народа резко различался от религиозного мировоззрения на Западе, так что одна реакция сложившемуся в народе образу мыслей имела точки соприкосновения с протестантским учением. По этим причинам протестантизм, занесенный на русскую почву, должен был принять несколько иное направление, напечатлеть на себе некоторые политические и общественные особенности ее, получить свой национальный оттенок. С такого рода протестантством, или, точнее, протестантствованием, мы не встретимся преимущественно в половине XVI и конце XVII столетия. <...>

Так как русское правительство строго воспрещало совращение православных в иноверие, то пути или средства, для распространения своего учения, протестантизм избирал большею частью прикровенные, скрывавшиеся под благовидными учреждениями и стремлениями, — и мы бы ничего не знали об этих подпольных путях, если бы их не открыла преследовавшая пропаганду власть и отчасти протестантские писатели, бывшие в России, которые, однако ж, чтобы не выдать своих братьев и поборников общего дела, говорят всегда кратко и уклончиво. По этим и некоторым другим

следам находим, что протестантизм пропагандировал свое учение 1) чрез водворение на Руси просвещения, распространяемого посредством устной проповеди, чрез книги и школы, затем 2) чрез культуру, нравы и обычаи, проводимые в известной мере во всех слоях русского общества.

<...> Итак, протестантская пропаганда пробовала все средства, пыталась пустить свои корни в разных частях России, во все слои общества. Но везде почти встречая неудачу, не надеясь набрать достаточное число последователей в лучших слоях, она ищет добычи, производит брожение в мрачных подонках общества. Будучи сам расколом в Католической церкви, протестантизм способствовал в некоторой мере возникновению раскола и в Православной русской церкви. Образовавшись на Западе из разных оппозиционных партий, церковных и политических, он и в России, при разделении раскола на враждебные церкви и государству партии, старается подойти к некоторым из этих партий, внести в них свои идеи и учреждения. Тут коварная его пропаганда принимала самый разнообразный, изменчивый и неуловимый характер. Дружных последовательных усилий ее не видно в этой области; изредка, урывками, разными таинственными руками (личностями), посредством обмана и обольщений она подбрасывала к той или другой партии свои крайние сектантские воззрения. Вникая в эти бесконечно сложные и покрытые таинственностью отношения протестантизма к русскому расколу, мы склоняемся к весьма вероятной мысли, что 1) на образование раскола, известного под именем старообрядства, протестантизм влиял отрицательным путем, усиливая его реакцию против церковных и общественных реформ, а 2) на происхождение крайних, мистических его сект не остался и без положительного непосредственного влияния.

<...> Известно, что одним направлением, доведенным до крайности, вызывается реакция совершенно противоположного направления. Чем более легкомыслие и чувственность известной среды увлекались свойственным протестантизму духом свободомыслия и в бурном увлечении небрегли церковною обрядностью, внешностью, тем сильнее мнящиеся службу приносить Богу стояли за неизменность буквы, обрядности, думая, что они ратуют за самую сущность и дух религии. Мы не хотим сказать, чтобы германский протестантизм произвел, хотя бы и отрицательным путем, русский раскол, — мутный источник последнего известен; тем же путем отрицания он только содействовал, поощрял обра-

зование и развитие раскола (подлил лишь масла в огонь). В самом деле, можно ли упускать из виду и называть просто историческою случайностью то явление, что первые семена раскола обнаружили себя на русской почве почти одновременно с возникновением протестантизма в Германии (для доказательства можно бы сопоставить Тридентский собор², на котором последовало окончательное отделение протестантов от Римской церкви, с современным ему нашим Стоглавым собором³, этою главною основою отторжения раскольников от Православной церкви), и потом разросшись по мере возбуждаемого протестантизмом презрения к церковным узаконениям и обрядам? <...>

В частности, русский раскол в значительной доле является реакциею против усвоения выросшей на почве протестантизма культуры, протестом во всех сферах народного быта; по историческому его происхождению, это — отчасти протест или раскол политический, земский, общественный; характер же по преимуществу религиозный он принимает вследствие того преобладающего и всеобъемлющего значения, какое имеет церковь в жизни русского народа. Замечательно, что дворянство русское, образовавшееся преимущественно из московского служилого люда и большею частью иностранного происхождения, держится почти вдали от этого протеста. Напротив, те классы народа (крестьянство и купечество), которые жили своею особою земскою жизнью, были главными охранителями русской народности еще со времен татарского ига, под знаменем веры ополчаются за целость и неприкосновенность народности, видя во всяком гражданском нововведении посягательство на русскую народность и затем на православную веру. Но не будь напора этих внешних гражданских новшеств, усиленного влияния немецко-протестантской культуры, не будь горячего отпора им в сферах народного гражданского быта, не было бы упорного такого раскола в области церковной.

<...> Итак, в сфере религиозной или церковной практики, в которой более всего можно было ожидать вреда и опасности от протестантизма, он, помимо своей воли, принес немало пользы. Свои и заграничные протестанты наблюдали и изучали церковно-практический быт России; все учили и поправляли, наставляли и обличали нас. Отовсюду собирали сведения о Русской церкви; везде написано и публично произнесено немало отрывочных повествований и ученых трактаций о ней. Всех интересовали судьбы ее, особенно после того, как она спасла государство от погромов

Смутного времени и когда, вместе с возрождением ею же созданного некогда государства, ей готовилась новая великая будущность. Всем нужна она была для какого-то важного дела; замышлялся смелый план сближения с нею лучших протестантских церквей, к осуществлению которого сделаны были первые попытки при Петре Великом и с тех пор не прекращаются до настоящего времени.

Но чем важнее по своим вековым последствиям дело, тем усиленнее и дальновиднее подготавливается и исполняется оно, будет ли оно произведением частной единоличной воли и сознания, или его совершает общественное сознание, мировая воля, по непреложным мировым законам, но неисповедимым судьбам Провидения. Протестантский заграничный мир, устремив свои пристальные взоры на Россию, возымев на нее столько видов и надежд, в XVI и XVII вв. мало входит в непосредственные сношения с нею: он предоставил эти сношения своим единоверцам, которых сама судьба привела в Россию, сама история призывала к особенной миссии. Прибыв в Россию по вызову и без вызова, тысячами попав к ней в плен, они с свойственною их нациям предприимчивостью, стремлением к колонизации рассеялись по всему необъятному ее пространству, засели кучами, или общинами на местах людных и выгодных; заняли отдаленные окраины, проникнув «до последних моря». Но при разбросанности и малолюдности новых общин, деятельность большей части их бесследно пропадает для истории. На сцену истории выходят главным образом протестантские общины, образовавшиеся в средоточии русского государства и церкви, в Москве. Призванные для возрождения и обновления гражданской жизни России, наделенные всеми выгодами и удобствами общежития, протестанты начали вторгаться в духовную, религиозную ее жизнь, расставили тайные пропагандистические свои сети на всех путях, при каждом соприкосновении с православными. Но в искусные сети их ловились немногие, легкомысленные умы и слабые развращенные сердца, а под конец XVII в., неразборчивые и жаркие поборники польского энциклопедизма и западной цивилизации, да и те каялись в своем увлечении и нередко возвращались на добрый путь. Сравнительно больше и долговечнее были приобретения протестантизма в темной раскольнической среде; но в общей массе православного народонаселения и эти приобретения едва заметны; да и весь успех, все торжество их состояло в подбрасывании того или другого лжеучения к тем, которые сами

собою были подготовлены к принятию его. Ряд полезных, во время взятых, мероприятий, обличения и наставления пламенных ревнителей православия, вышедших из всех слоев народа, распространение ими в народе дельных полемических сочинений, строгие охранительные меры правительства, а более всего непоколебимое убеждение народа в истинности и превосходстве православной веры пред всеми другими вероисповеданиями послужили твердым оплотом целости и чистоты православия, предотвратили дальнейшие пагубные последствия протестантизма и для податливого раскола. Этого мало. Призванные Провидением для воссоздания и обновления гражданской жизни России, и в XVII в. положившие уже начало великого обновления, протестанты не только не сделали за это время существенного вреда для церковной ее жизни, но способствовали возрождению и распространению в ней духовного просвещения, содействовали многим полезным улучшениям в жизни нравственной и религиозной. Сильна и могущественна Русская церковь, благодетельно и милостиво к ней Провидение! Свыше укрепляемая и хранимая, она с первого же раза стала выше соблазнов нового притока жизни и цивилизации и уготовляемые ей последнею ковы и несомненные услуги обратила в свое благо, для своего духовного преуспеяния.

<...> Каково было влияние протестантизма на нравственное состояние западно-русского общества? Данных для ответа на этот вопрос, к прискорбию, слишком мало; они относятся ко времени, когда протестантизм был силен и распространен в Литве, а о времени упадка совершенно умалчивают; они дают некоторое понятие об отрицательных и мрачных сторонах дела, хотя есть основания к открытию многих светлых и отрадных сторон.

1) Они свидетельствуют о вредном разрушительном действии протестантизма на монашескую нашу духовенство и монастыри. Эти печальные свидетельства относятся к концу XVI и началу XVII столетия, когда светлые нравственные стороны жизни и пуританская строгость нравов, какими отличались кальвинисты, вскоре по соединении с божескими братьями, исчезли безвозвратно, и они, начав чересчур духом, оканчивали плотью. <...>

2) Иного рода влияние протестантизма можно подмечать на общественную нравственность. <...> Хотя протестантская мораль отчасти поблажает чувственным слабостям, но развитие этого порока в Западной Руси едва ли можно ставить в укор местным протестантам. <...>

Правда, нравственность протестантов, даже в эпоху ее процветания, была, как известно, не вполне идеальна, чиста, скудна была бескорыстными подвигами самоотвержения и не пошла далее так называемых добродетелей ума и естественных добродетелей, и, вне полноты благодатного на нее воздействия, не она должна назидать и возрождать нравы православных, но нравственность последних, со всею совокупностью благодатных сил и средств, даруемых в Православной церкви, должна бы животворно влиять на жизнь протестантов: к этой высокой, нравственной миссии призывала православных близость и дружественность их сношений с протестантами. Но при тогдашних социальных условиях западноруссов, при исключительном состоянии общественной нравственности, много добрых и поучительных сторон могли находить они и в протестантизме.

<...> Итак, если протестантизм, с одной стороны, разрушительно действовал на аскетизм и дух монашества, способствовал отчасти развитию одной чувственной страсти во всем обществе православных, то, с другой стороны, содействовал развитию многих общественных добродетелей: человеколюбия, честности, благотворительности. Так, по крайней мере, можно утверждать о времени процветания и сильного распространения протестантизма в Литве. В период упадка и умаления его последователей просветительное его влияние на общественную нравственность, вероятно, продолжалось, хотя в незначительной степени; разрушительное же противоаскетическое направление, во всех католических странах имевшее силу лишь при первом торжестве протестантизма, принимавшее острый характер, как хронический недуг, и потом делавшееся совершенно бессильным пред иезуитизмом, клерикализмом, — едва ли могло причинить существенный вред православному монашескому институту; восторжествовавшее над всеми течениями, образовательно-нравственное направление протестантизма способствовало нравственному возвышению самого монашескующего духовенства. Во всех же вообще нравственных отношениях протестантизма к православию, насколько они доступны для истории, можно примечать более светлых и добрых сторон, чем мрачных и вредных.

Очертим кратко характер всех бесконечно сложных и неуловимых в своих частностях отношений протестантизма к западнорусским православным.

Никогда и нигде последователи Восточной церкви не находились в таком затруднительном положении, как в рассматриваемое вре-

мя на этой злосчастной окраине (в Юго-Западной России, в конце XVI и XVII в.). Какие ужасы гонений испытали они над собою! Сколько ересей гнездились вокруг них в этом скопище всякого сектантства, вольномыслия и мятежа! И как мало они были подготовлены не только к борьбе с ересями и гонениями, но и к разрешению самых простых религиозных вопросов! По справедливому замечанию одного почтенного историка, «эти ужасы гонений и соблазны ересей живо представляют пред нами ужасающую картину гонений и ересей первенствующих времен христианства, с тою только разницею, что здесь не было ни чудес, ни Афанасиев Великих». Не удивительно, что многие православные не имели ясного сознания православной истины, не твердо стояли на одной почве, но переходили то в протестантство, то в латинство, колебались между своею и чужими верами. Но эти печальные увлечения и колебания, значительно извиняемые обстоятельствами времени, исключительным положением церкви, были большею частью временные, непродолжительные: большинство соvrащенных, колеблющихся возвращались к вере отцов, становились твердыми, непоколебимыми в убеждениях. И о всем обществе православных надобно сказать, что ни козни, ни гонения, ни религиозный, ни политический союз их с протестантами, ни взаимное формальное патронатство, ни частные и общественные сближения, ни благовидность протестантских церковно-общественных учреждений, ни превосходство образования, никакие интриги и подделки (в роде подложного православного исповедания) — ничто не могло смутить ясности сознания, поколебать их убеждений. Не протестанты, наконец, приобрели их себе, но всем, что было доброго у протестантов — наукою, литературою, филантропическими учреждениями, нравственно-образовательным направлением, — они воспользовались для блага своей церкви.

И как все это не соответствовало видам и ожиданиям самих протестантов! Занесенные в Юго-Западную Россию с балтийского побережья и из самой Германии, получавшие подкрепление и обновление из своего первоначального отечества и из самой просвещенной Германии, литовские протестанты предназначались к великой миссии. Как всегда бывает с колониями, эта протестантская колония в короткое время превзошла во многом свою метрополию. В конце XVI и первой половине XVII в., когда на западе Европы протестантская наука совершенно падала, здесь в Литве и Польше были славившиеся во всей Европе школы, ученые и проповедники.

Первые успехи протестантской пропаганды были здесь изумительные, приведшие в отчаяние друзей католицизма и крайне озаботившие ревнителей православия. На помощь религиозной пропаганде здесь готова была, по-видимому, явиться гражданская революция: нигде, казалось, так легко нельзя было произвести ее, как в этой разноплеменной и разноверной стране, при ее постоянных политических неурядицах, при необузданном своеволии магнатов. Все сулило здесь протестантизму славную будущность. Здесь даже весь заграничный протестантский мир думал положить начало синкретическому союзу всех вероисповеданий. Но все радужные надежды его рушились. Среди упоения его первою победою в Литве, иезуитское ополчение нанесло ему поражение, которое заранее должно было решить участь его. Гражданской революции, религиозных войн не удалось ему поднять здесь. Религиозно-политический союз его с православными не только не мог сломить силу католицизма, предпринять наступательное на него движение, но едва в состоянии был оборонить союзников от общего врага. И коль скоро он перестал быть модою века, или выгодным орудием личных целей и не воспользовался гражданскими и церковными нестроениями Польши, — его дело здесь проиграно.

Но настоящая поверка протестантизму — при встрече с православием. Обязанный своим происхождением на Западе порокам, злоупотреблениям и извращениям Римской церкви и распространявшийся главным образом посредством произведенных им политических и социальных переворотов, протестантизм не мог найти в Православной церкви извращений и уклонений от древнего вселенского образца церкви, не в силах был произвести никаких политических и общественных переворотов. Оттого он обнаружил пред нею полнейшую несостоятельность и бессилие (хотя и воспользовался деморализациею и легковерием некоторых частных лиц). И каких средств он не пробовал для привлечения ее на свою сторону, начиная от серьезных научных убеждений и кончая мелко интригою, нечестным подлогом! Куда он не закидывал своих сетей, в потаенные уголки и отдаленнейшие пределы Православной церкви! И нигде ему не было успеха: новое, очевидное доказательство, что он может иметь место в церкви и стране, где царит ложь, крайние злоупотребления и извращения, что он не есть истинная религия, но еще большее извращение и искажение той религии (римской), которую он берется исправить. У пределов православного мира поток протестантизма замер навсегда.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ПРОТЕСТАНТИЗМА К РОССИИ В XVI И XVII ВЕКАХ

Едва ли какая диссертация на степень магистра богословия вызывала столько отзывов в светской печати, сколько вызвала их наша диссертация об отношении протестантизма к России в XVI и XVII веках (Москва, 1880 г., ч. 1 и 2). Чрез два месяца по издании ее, некто А. А. (в майской книжке «Исторического Вестника» за 1880 г., стр. 186–192) поместил рецензию, не требовавшую, однако, особого ответа от нас. В библиографическом листке «Русской старины» (за декабрь 1880 г.) г. Иконников напечатал довольно подробный отзыв о 1-й части книги, отсылая читателя за разбором 2-й части к рецензии «Исторического вестника». Затем отозвались на нашу книгу г. Кареев в «Русской мысли» (январь 1881 г., стр. 19–24) и анонимный автор в «Вестнике Европы» (январь 1881 г., стр. 435–442)*. Мы не спешили отвечать им потому, что ожидали отзывов в своих духовных журналах**, рассчитывая при этом, не послужит ли отзыв одного критика опровержением не совсем благоприятного для нас отзыва другого: потому что первые рецензии вышли таковы, что порицания одной опровергались нередко одобрениями другой рецензии. Но в духовных журналах, верно, не выждать нам разбора своей книги. <...>

Г. Кареев заподозревает нас «в непонимании культурного характера протестантизма, в том, что Реформация является для нас не попыткою возвращения к первобытному христианству, а очищенным и зрелым плодом нечистого семени — гуманизма, что нам неизвестно отношение Реформации к гуманизму, неизвестна и история внутренней жизни Лютера, его душевного состояния, когда он придумывал свое учение об оправдании» (21 и 22). Нет,

* Первые три рецензии большею частью лестные для автора: все они признают за ним «весьма добросовестное изучение предмета по источникам и материалам, какие дает русская и иностранная церковноисторическая литература или какие представляют нам рукописи библиотек: Синодальной, Московской, С.-Петербургской и Казанской Духовных академий. Первая из рецензий выражает «величайшую благодарность за разбор этих рукописей». Четвертая рецензия, написанная в «Вестнике Европы» крайне своеобразно и резко, согласна с предшествующими в том, что «программа сочинения выполнена автором с большим ученым аппаратом».

** Мы верно слышали, что г. Цветаев, занимавшийся в Петербургской академии нашим вопросом или частью его, хотел нынешне осенью поместить свой отзыв в одном московском духовном журнале.

почтенный критик, вы не поняли нас и поспешили своим приговором. Попытку возвращения к первобытному христианству мы всегда признавали протестантство; но попытка и осталась только попыткой в ряду других бесчисленных стремлений подобного рода. В начале реформаторы имели в виду оживить религиозное чувство, и вы сами благосклонно одобряете нас за признание за ними некоторых умственных добродетелей, общественных, политических. Но потом, как известно (а вам лично в особенности должно бы быть это ведомо), все дело было совершенно извращено. <...>

Лютеру же удалось лишь объединить оппозиционные движения, возникшие в Западной церкви с самого почти отделения ее от Восточной: вальденсов, катаров, гуситов, лоллардистов, виклифитов, гуманистов; он с князьями сумел придать всем им новую форму социального политического протеста и сепаратизма; направленные против злоупотреблений и извращений церкви, идеи его нашли себе такое горячее сочувствие в народе потому, что они давно жили в нем и особенно ожили в гуманизме, что Лютер сумел сильнее, резче всех высказать их. Вместе с гуманистами, резко порицая разращение монашества, но не одною едкою, беспощадною сатирою, как гуманисты, а и от Слова Божия, как подобает религиозному реформатору, некогда строгий аскет — Лютер дошел наконец до отрицания самого монашества, аскетизма, стал проповедовать послабляющую чувственности мораль. Тут Лютер, при всей его честности и благонамеренности, при всей искренности желания очистить реформировать оппозиционное направление, сделал, полагаем, значительную уступку, уплатил немалую дань духу времени. К сознанию совершенной растленности человеческой природы и неспособности ее к добру Лютер пришел не потому только, что начальные подвиги самоумерщвления, поста, молитвы не прекращали внутренних искушений и вожделений плоти его, но, по всей вероятности, потому еще, что вокруг его царила всеобщая разнузданность нравов, из подражания древнему, классическому образу жизни возведенная в гуманизме в норму, закон. <...> Счастье еще его, что в противовес этому растлению, отчаянию в спасении он находит возможным спасение чрез веру (о которой, чтоб выпутаться из самопротиворечия, вырабатывает такое понятие, что эту веру и сопутствующие ей добрые дела совершает в нас, не без нас благодать Божественная).

Под таким-то положительным и отрицательным влиянием гуманизма выработался, полагаем, главный, так называемый ма-

териальный принцип протестантства — оправдание одною верою без добрых дел. Говорить ли, что другой, формальный принцип протестантства — признание Священного Писания единственным источником вероучения, предоставление каждому права понимать его по своему произвольному разумению и, при бесчисленном размножении таких пониманий и толкований, по необходимости противоречивых, совершенное отвержение истины Божественности Писания — все взято (скорее всего) из гуманизма, из его крайне произвольного отношения к Священному Писанию, из предпочтения Богодухновенным писателям языческих классиков и изображаемых первыми праведникам богов Греции и Рима? Тот и другой принцип, в связи их с гуманизмом, скоро оправдались в жизни протестантов.

<...> Впоследствии было еще хуже. Мы готовы допустить, что наилучшее достояние протестантства — ученость, успехи просвещения не свободны и до сих пор от некоторых недостатков гуманизма. Эта, по характеристике А. С. Хомякова, критика серьезная, но сухая, тягучая и потому недостаточная, ученость обширная, но расплывающаяся по недостатку внутреннего единства, строгость прямодушная и трезвая, достойная первых веков христианства, но не чуждая узкости воззрений, замкнутых в пределах личного индивидуализма, пламенные порывы, в которых слышится признание их неудовлетворительности и безнадежности когда-либо обрести удовлетворение, постоянный недостаток глубины, едва замаскированный полупрозрачным туманом произвольного мистицизма — не яркое ли отражение критицизма, эрудиции гуманизма, строгости исследования, страстности в искании истины, в стремлении уйти в отвлеченность, которые так мало имеют в себе жизненного, органического, созидającego, вся сила которых в отрицании, а слабость в субъективизме, скептицизме и лжемистицизме? То же можно сказать и об общем отрицательном характере протестантизма, не столько теоретическом, научном, сколько практическом, жизненном. Протестантизм держится отрицанием католичества. Каждый пункт его новых верований... образовался путем отрицания соответствующих им, но извращенных в жизни верований католичества; отнимите у него этот отрицаемый им мир, и он — протестантизм умрет.

<...> Отдельные, образованные лица, томясь потребностью истинной религии, но не находя ее, удовлетворяются вообще тем, что немцы так верно называли религиозностью, создают себе

каждый свою субъективную религию. Отсюда — размножение новых сект, разложение древних исповеданий, отсутствие всякого установившегося верования, постоянные, но бесплодные усилия создать то свод учений, то общину с непреходящим символом, труды отдельных лиц, бесплодно теряющиеся во всеобщем хаосе. И кто знает, к чему приведет протестантизм это бесконечное дробление его на секты и сектцы, взаимно себя уничтожающие, этот безграничный произвол мысли и отрицания, ниспровергший авторитеты соборные и свято-отеческие, едва не доходящий до отрицания основных истин христианства, до вероучения какого-то среднего между натурализмом и христианством (в социнианских, например, сектах), а в жизни и практике влекущий за собою поворот к утонченному язычеству, к отрицанию всякого вероисповедания (*sine confessione*)...

<...> Но, истины вероучения и нравственности как в православии, так и в протестантстве теперь разве не те, что были в XVII и XVIII вв.? Для кого дороги, непреложны истины православного вероучения, кто видит в них неоспоримое превосходство над измышлениями протестантизма, тот разве может держаться других в существе своем взглядов на них, чем каких держались лучшие православные богословы XVII и XVIII вв.? В деле преданности православию и в далеко не индифферентном отношении к инославиям многому нужно поучиться и от «людей Московского государства, живших в XVII веке». Полемика против лютеран Стефана Яворского⁴ и до сих пор служит краеугольным камнем нашего противолютеранского полемического Богословия.

